

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Логика психологии и эпистемологии
Готлоба Фреге

В отношении логики Фридрих Людвиг Готлоб Фреге занимал противоположную от Милля позицию. Как для Милля пропозиции любого рода были известны апостериорно, для Фреге арифметика не менее, чем логика, была не только априорной, но и аналитической.

Я сразу перешёл к Фреге, зная, что в предыдущей лекции уже была рассказана биография этого замечательного западного философа, которого у нас практически не знают. По крайней мере, мне не приходилось встречать в программах по истории философии каких-либо внятных тем, касающихся этого философа.

Для того, чтобы установить аналитичность арифметики, Готлобу Фреге пришлось систематизировать логику до такой степени, до какой это не удавалось сделать ни Миллю, ни кому-либо из его предшественников. Фреге организовал логику совершенно по-новому. И фактически стал вторым основателем дисциплины логики, отцом которой является Аристотель.

Одним из способов дать определение логики – сказать, что это дисциплина, которая отделяет хорошие выводы от плохих. В предшествовавших Фреге столетиях важнейшей частью логики было изучение обоснованности или недействительности той или иной формы заключения. А именно силлогизма, о котором мы говорили в предыдущей лекции. Но были разработаны подробные правила для проведения различия между обоснованными выводами. Например, «все немцы европейцы», «некоторые немцы светловолосые», поэтому «некоторые европейцы светловолосые». Это допустимый вывод. А недопустимый вывод такой: «все коровы млекопитающие», «некоторые млекопитающие четвероногие», поэтому «все коровы четвероногие». Наука о логике накопила достаточно инструментов, чтобы понять, что хотя оба этих вывода имеют истинное заключение, но только первый вывод является действительным. Только форма первого заключения никогда не приведёт от истинных предпосылок к ложному заключению.

Но Фреге впервые осуществил дедуктивно-аксиоматическое построение логики высказываний и логики предикатов. В последствии его метод построения теории путем формальной дедукции был распространен им и на арифметику. В своих работах Готлоб Фреге исследовал такие фундаментальные понятия, как функция, переменная, понятие, смысл, истинные значения и другие. Фридрих Готлоб Фреге ввел множество различий, которые оказались важными для последующего развития логики. Например, различие между формулировкой высказывания и утверждением, что это высказывание истинно. Например, между отношением принадлежности и отношением включения.

Фреге является основателем современной логической семантики. В его работе «Смысл и денотат», Фреге изложил свою теорию имени, которая включала номинативную теорию предложения. Именно эта теория легла в основу того, что в последствии было названо «сематическим треугольником» или «треугольником Фреге». Мыслитель исходил из того, что два разных знака могут указывать на один и тот же предмет. Например, «утренняя звезда» и «вечерняя звезда». Оба этих выражения указывают на один и тот же предмет, на планету Венеру. Но они имеют довольно разный смысл. Фридрих Готлоб Фреге называл это именами собственными, выражающими некоторый смысл и обозначающими некоторый денотат, то есть «называющими». Что касается повествовательных предложений, то у них также есть смысл, суждение, мысль, которую они выражают, и денотат – одно из двух истинностных значений, истина или ложь, которая в концепции Фреге приравнивается к абстрактным вещам или понятиям.

Фреге считает, что, если в повествовательном предложении заменить одно имя собственное на другое с тем же денотатом, но с другим смыслом, то смысл предложения изменится, но его денотат, то есть истинное значение, останется прежним. Так предложение «Утренняя звезда – это небесное тело, освещаемое Солнцем» и выражение «Вечерняя звезда – это небесное тело, освещаемое Солнцем» выражают разные суждения, то есть имеют различный смысл, но выражают один и тот же денотат, имеют одно и тоже истинностное значение. Все истинные предложения в концепции Фреге имеют одинаковый денотат, как и все ложные. В то время как имена собственные называют бесконечное множество различных вещей. Суждение или смысл предложения отличается от утверждения тем, что в утверждении сделан шаг от мысли к денотату, а именно – к истинностному значению высказывания. Фреге писал: «Слово «утверждение я понимаю не просто, как понимание некоторого суждения, но как признание его истинности, то есть, как его принятия».

Понятие и отношения тоже имеет свои имена. Это могут быть слова, выражения или графические символы, которым соответствует определенный смысл, с одной стороны. С другой стороны, понятия и отношения имеют денотат, обозначаемое ими понятие или отношение. Денотат имени понятия отличается от денотата имени собственного или повествовательного предложения тем, что он вещью не является. А также тем, что он не насыщен. Что значит не насыщен? Это означает, что он не обладает таким содержанием, которое превосходит его объем. Это легче будет понять тем, кто знаком с правилом логики философии науки, который называется «Закон обратного соотношения объема понятия и его содержания». Об этом отличии Фреге писал: «Все части предложения не могут быть замкнуты. Должна найтись хотя бы одна в каком-то смысле ненасыщенная или предикативная часть. В противном случае – соединение частей в единое целое оказывается невозможным». Вещи могут подпадать или нет подпадать под такие понятия. Например, в предложении «утренняя звезда» есть планета. Здесь «утренняя звезда» является именем собственным, а планета является именем понятия. Это указывает на то, что объект «утренняя звезда» подпадает под понятие планета. А грамматический предикат обозначает это понятие. То есть понятие является частным случаем функции, которое также обладает свойством ненасыщенности.

Фреге обнаружили множество фактов, делающих невозможным применение его концепции к целому ряду выражений естественного языка. Сюда относятся слова и выражения, имеющие смысл, но не имеющие денотата. Например, мифические существа или абстрактные понятия – Одиссей или воля народа. Понятие есть, а денотата нет.

Фреге приводит такие примеры, которые затрудняют применение его концепции к целому ряду высказываний в естественном языке. Например, прямая и косвенная речь. Фреге считает, что денотатом прямой речи являются сами произнесенные слова. А денотатом косвенной речи – её обычный смысл. Сюда он относит и придаточные предложения, денотат которых не является истинностным значением, поскольку они не выражают самостоятельное суждение, а только часть его.

Несмотря на это Фреге не пытался развить сколько-нибудь общую лингвистическую теорию. Многие схемы, предложенные Фреге для описания вводящих в заблуждение особенностей естественного языка, носят у него незавершенный характер. У него нигде нет указания на то, что же является смыслом выражений в косвенном употреблении, если таковой вообще не существует. Естественный язык интересовал Фреге только как орудие, причем достаточно совершенное орудие накопления объективного знания. Фреге боролся против психологизма Милля. Он определяет понятие смысла таким примером: «У художника, наездника и зоолога с именем Буцефал будут связаны, вероятно, очень разные представления. Этим представление существенно отличается от смысла знака, который может быть общим достоянием». Посвятив борьбе с естественным языком большую часть своей творческой жизни, Фридрих Людвиг Готлоб Фреге задавался вопросами: Почему получается так, что мышление противопоставляется языку? Не является ли это спором, который мышление ведет с самим собой? И не отрицается ли тем самым сама возможность мышления?

К концу жизни Фреге пришёл к выводу, что математика со своей стороны очень подвержена влиянию языка. И тут всё, в конечном итоге, упирается в объяснение слов, которые даются на естественном языке. Здесь Фреге, можно сказать, примирился с позицией Джона Стюарта Милля. В трудах Фреге нет недостатка в явной дискриминации между логикой и психологией.

В то время, когда Фреге писал свои логические работы, он не был заинтересован в эпистемологии ради самой себя. Но он был обеспокоен установлением связи между эпистемологией и другими смежными дисциплинами.

По мнению Фреге, эпистемологической традиции Декарта была отведена фундаментальная роль в философии, которая должна была быть отведена логике. С другой стороны, философы в эмпирической традиции часто путали логику с психологией. В разработке своей логической системы Фреге стремился показать разницу между логикой, психологией, эпистемологией и другими отраслями исследования.

Для своих целей Фреге адаптировал различие Канта между априорным и апостериорным знанием. Чтобы гарантировать, что разговор об априорных знаниях не включает в себя путаницу между психологией и логикой, он напоминает нам, что можно обнаружить содержание

предложения, прежде чем мы начнём давить на доказательство этого. Поэтому мы должны проводить различие между тем, как мы впервые поверили предложению, и тем, как мы в конечном итоге его объясняем. Если говорить о знании вообще, то должно быть оправдание, ибо знание – это вера, которая и истинна, и оправдана. Абсурдно говорить об априорной ошибке, потому что можно знать только правду.

Фреге говорит: «Когда предложение называется апостериорным или аналитическим, в моем понимании, это не суждение об условиях, психологических, физиологических и физических, которые позволили представить содержание предложения в сознании. Это также не суждение о возможном дефектном методе, с помощью которого какой-то другой человек поверил в это. Скорее это суждение о фундаментальном основании, которое даёт основание считать его истинным».

Если предложение математическое, то его обоснование должно быть математическим, оно не может быть психологическим вопросом процессов в сознании математика. Конечно, у математиков есть ощущения и ментальные образы, они могут играть роль в мыслях того, кто вычисляет. Но эти образы и мысли – не то, что арифметика. Разные математики связывают разные образы с одним и тем же числом. Работая с числом 100, один человек может думать о «100», а другой о «С» (латинская буква С – centum). Даже если бы психология могла дать причинное объяснение возникновению мысли о том, что десять квадратов – это сто, она всё равно была бы совершенно иной, чем арифметика. Ибо арифметика связана с правдой таких утверждений, а психология – с их возникновением в мысли. Предложение можно рассматривать, даже если оно не является истинным, а суждение может быть истинным без мысли.

Психология заинтересована в причине нашего мышления, Математика заинтересована в доказательстве наших мыслей. Причина и доказательство – совершенно разные вещи. Без соответствующего рациона фосфора в мозгу, Пифагор не смог бы доказать свою знаменитую теорему. Но это не означает, что утверждение о содержании фосфора в его мозге должно происходить как линия в доказательстве.

На протяжении всей своей жизни Фреге продолжал проводить чёткое различие между логикой и психологией. В своем позднем эссе «Мысли» он предостерёг от двусмысленности, присущей утверждению о том, что логика имеет дело с законами мысли. Если под «законами мысли» мы понимаем психологические законы, которые связывают психические события с их причинами, то они не являются законами логики, потому что они не будут проводить различия между истинными и ложными мыслями, поскольку ошибка и суеверие вызывают не меньше убеждённости, чем здравая вера. Логические законы являются «законами мысли» только в том смысле, в каком моральные законы являются законами поведения. Действительное мышление не всегда подчиняется законам логики так же, как действительное поведение не всегда подчиняется нравственному закону.

Тем не менее в своих поздних «Мыслях» Фреге отваживается на эпистемологию таким образом, чтобы размыть различия, которые он так решительно защищал. Он спрашивает о смысле или способе представления местоимения от первого лица «Я», которое он рассматривает как собственное имя, которое имеет своего пользователя в качестве ссылки. Фреге говорит: «Каждый представлен самому себе особым и первичным образом, в котором он не представлен никому другому».

О размышлениях Фреге вы можете прочитать подробно в книге Энтони Кенни. Я лишь скажу, что немногие, кто следовал за Фреге по пути картезианского скептицизма, последуют за ним по маршруту, который он предлагал для выхода из этого логико-философского лабиринта. Его ответ на вызовы не более убедителен, чем ответ самого Декарта. Оба философа, приняв разделение между публичным миром физических вещей и частным миром человеческого сознания, стремятся воссоединиться с тем, что они разделили, обращаясь к третьему миру, божественному разуму (в случае Декарта) и к миру мыслей (в случае Фреге). В каждом случае, по мнению Энтони Кенни, фатальной ошибкой было принятие первоначальной дихотомии. Существует не два мира, а один, к которому принадлежат не только инертные физические объекты, но и сознательные разумные животные. Фреге был не прав, он согрешил против своего собственного кардинального принципа отделения мыслей от идей, принимая тезис о том, что сознание даёт нам непостижимое содержание и непоколебимую уверенность.